

Селиверстова Елена Ивановна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e.seliverstova@spbu.ru, selena754@inbox.ru

Явление деформации пословиц сквозь призму законов паремиологического пространства

Для цитирования: Селиверстова Е. И. Явление деформации пословиц сквозь призму законов паремиологического пространства. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (3): 457–473. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.307>

Изучение способов речевой трансформации узуальных языковых единиц показывает, что любое речетворчество, пусть самое изобретательное и необычное, опирается в своих приемах на имеющийся в арсенале носителей языка совокупный опыт. Паремиологическое пространство языка, представляющее собой совокупность всех пословичных единиц, обнаруживающих самые различные типы отношений между собой, включает в себя также ряд единиц других уровней — типичные синтаксические и логические структуры, устойчивые паремийные биномы, служащие основой пословиц, пословичные фрагменты с закрепленной за ними семантикой, обобщенные идеи, реализуемые несколькими единицами языка разного лексико-грамматического наполнения. Языковая игра, охватившая в постсоветскую эпоху «карнавализации» языка сферу паремий, проявилась в образовании новых единиц по моделям существующих (*Лучше длинная живая очередь, чем короткая автоматная*), в причудливых контаминациях (*Баба с возу — волки сыты*), в тиражировании бесчисленных версий окказиональных концовок для узуальных паремий (*Не плюй в колодец — пригодится плюнуть; ...вылезет — не прокормишь*), семантических расшифровках (*Дети — цветы жизни, но не надо давать им распускаться*) и т. д. Объектом внимания в данной статье является сфера языковых преобразований паремии *Чем дальше в лес, тем больше дров* — изречения со структурой, допускающей весьма разнообразные отступления от привычного и располагающей (по данным словаря «Антипословицы русского народа» (2005) и материалов сети Интернет) наибольшим количеством трансформов, некоторые из которых сегодня используются уже как полноценные пословицы. Примеры намеренной деформации привычных паремий показывают, что разрушения выражений не происходит, поскольку в новых единицах проступает пословичная форма и логико-синтаксическая модель узуальной пословицы и даже часть неологизма продолжает оставаться носителем ее смысла, обогащенного окказиональными приращениями.

Ключевые слова: языковая игра, пословица, элементы паремиологического пространства, трансформация, прием.

Введение

Языковая картина последних десятилетий отмечена ярким явлением, состоящим в креативном, удивительно пестром использовании прецедентных текстов разного типа — крылатых фраз, цитат, резюмирующих строк из анекдотов, пословиц и фразеологизмов. В русском языке это отнюдь не отдельные случаи «искривления» знакомого и привычного — это стало очевидной тенденцией. Если раньше контекстуальные преобразования (трансформации) устойчивых единиц языка считались чертой преимущественно художественного текста и служили предметом изучения лингвистами в качестве проявления индивидуально-авторского стиля [Губайдуллина 2016; Залесова 2007; Соколова 1986; и др.], то сейчас это явление широчайшим образом представлено как в обиходно-бытовой речи в ее стремлении к творческому оформлению речевого акта, к выхолащиванию стандартного и примелькавшегося [Харченко 2012: 151], так и в языке СМИ [Николаева 1996; Жукова 2010; и др.] — особенно в языке рекламы, изобилующей примерами использования разнообразных приемов языковой игры (см., напр.: [Горбань 2012; Николаева 2005]), и в деидеологизирующей поэзии перестроечного и постперестроечного времени, намеренно разрушающей базовые советские идеологемы [Быков, Купина 2009].

Характеризуя этап «карнавализации» как особое время в развитии языка на переломе столетий, В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова отмечали, в частности, отмену осторожности в выборе выражений, гипертрофированное обращение к разным средствам выражения и, что важно, необходимость знания и понимания для успешной коммуникации прецедентных текстов [Костомаров, Бурвикова 2001: 7–16]. «Страсть к искривленному цитированию», к языковым искажениям, пародийному обыгрыванию [Айзенберг 1997: 214] — своего рода диагноз в отношении наблюдаемых ныне процессов, проникающих во многие функциональные сферы языка. В. К. Харченко, анализируя случаи содержательной парадоксальности и намеренного примитивизма высказываний, возводит даже активную апелляцию говорящих на русском языке к наработкам различных дискурсов в ранг одной из особенностей национального менталитета [Харченко 2012: 152].

Эта тенденция проявляется и в характере использования устойчивых единиц языка: во фразеологической неологии [Никитина 2001], в моделировании единиц по существующим известным лекалам — появлении новых единиц «на базе старых структурно-семантических схем» [Шинделаржова 2010: 28], в деформации единиц общенародного фразеологического фонда [Бацевич 2014; Кваша 2001; Федорова 2006; и др.].

Ведущими, по мнению исследователей, пристально вглядывающихся в происходящее в русском языке, выступают два процесса. Первый из них — фразеотворчество, во многом определяемое современной экстралингвистической ситуацией. Источником новых фразеологических и паремиологических единиц (ФЕ, ПЕ)¹

¹ Термин «паремиологическая единица» (ПЕ) используется в работе в качестве синонима терминов «паремия», «пословица», «устойчивое выражение», «народное выражение», «изречение».

являются политический, экономический, рекламный дискурс (ср. *оранжевая революция, испытывать на прочность, встреча в верхах, валютный коридор, идти во власть, два в одном, (быть) в шоколаде, в одном флаконе, на грани фола; Почувствуйте разницу!*; *Хотели как лучше, а получилось как всегда*), разговорная речь (с *каблуков долой, ехало болело (что кому), надо вчера, жаба душит; Какова элитка, таков и средний класс*²; *Каков министр культуры, такова и культура**), аргументы различных субкультур (например, среды наркоманов: *Выбросить дурь из головы нетрудно, но жалко**), внедряющиеся в жизнь реалии «нового быта» (*плакаться в бронжилетку, тампон тебе на язык, полная икебана*)³, в том числе возникающие благодаря единой информационной сети Интернет (*В чужую сеть со своим протоколом не лезь!** *Ну и запросы у вас*, — сказала база данных и повисла*).

Активным и вызывающим значительный интерес исследователей является процесс взаимодействия традиционных и инновационных языковых форм, приспособления к новым условиям единиц «старого арсенала». Отталкиваясь от известного, употребительного, мы создаем новое, в котором узнаваемы и старые «напевы и ритмы»; возникает своего рода лингвистический «ремейк». Основой для такого приспособления, для создания смеховой «тени действительности» (Д. С. Лихачев) служат самые разные языковые единицы⁴: литературные цитаты — звучащие с неожиданно иным подтекстом (*Раз продуман распорядок действий, то неотвратим конец пути*, Л. Гурский. *Спасти президента; Мой дядя самых честных грабил**), переиначенные строчки из песен (*И импорт такой дорогой, и новый тариф впереди**), политические лозунги (*Народ и армия — близнецы и братья!* Л. Гурский. *Спасти президента*), узуальные ПЕ с типичной и четко осознаваемой структурой (*За умного двух полумных дают**; *За одного хакера семь кандидатов наук дают**; *Китайский синдром в Перми: за одного китайца десять русских дают**) и ФЕ (*Гусь/ Индюк тоже думал, что купается, пока вода не закипела**).

Использование подобных приемов результативно лишь в том случае, если реципиентом — после прозвучавшей части знакомой фразы — улавливается некое смысловое несоответствие между ожидаемым ее продолжением с вполне привычной семантикой и элементами контекста, неожиданными для слушающего/читающего и заставляющими его по-новому взглянуть на целое и ретроспективно его переосмыслить [Бочина, Залялова 2008: 30]. Ср. известную ПЕ *Плох тот солдат, который...*, обретающую, благодаря генералу Лебедю, неожиданный финал *...упал и не отжался**, но сохраняющую тем не менее шутивно-ироническую оценку и/или интенцию неодобрения. Ассоциируемая с одной из знаковых фигур нашего времени фраза *Упал — отжался!* обыгрывается и иными способами — напр., контаминируясь с элементом «кинокрылатики», репликой из фильма «Бриллиантовая рука»: *Плох тот солдат, который упал, отжался, очнулся — гинс!**. Тиражироваться могут и выражения, образуемые на основе продуктивной модели; ср.: *Солдат ест* —

² Примеры, не входящие в корпус русского языка, обнаруженные на иных сайтах интернета — см., в частности: news3day.ru; ficbook.net; kommertsant.ru; intel-academy.ru и др., — помечены в тексте знаком «*».

³ Примеры из статьи: [Никитина 2001: 130].

⁴ В зависимости от аспекта и цели исследования их определяют терминологически по-разному — как крылатые слова, афоризмы, стереотипы, прецедентные тексты, тексты в тексте, интертексты и т. д.

служба идет; Офицер рыдает — служба идет [АРН: 451]; *Пожарный спит — служба идет**; *Хозяйка спит, а стирка идет**.

Преобразование привычного, шутовское обыгрывание общепринятого всегда признавалось закономерным явлением, приемом создания экспрессии и дополнительных семантических нюансов, применяемым в художественной речи и публицистике. Способы индивидуально-авторского преобразования поговорок и пословиц уже описаны как система [Проблемы 1996, Бондаренко 2004, Третьякова 2011, Мелерович, Мокиенко 2008; и др.]; проанализированы отдельные операциональные шаги в процессе трансформации таких выражений, показан характер изменений их концептуального содержания и стилистический и прагматический эффекты. Появились в лексикографической практике и словари, отражающие реальную жизнь ФЕ и ПЕ. Идея первого такого словаря, демонстрирующего разнообразие отклонений от привычных формы и содержания устойчивых единиц, случаи образования окказиональных ФЕ и авторских афоризмов по модели языковых ФЕ (ср.: *Пилюля горька, а проглотить ее нужно*. И. А. Тургенев. Отцы и дети), принадлежит А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко [Мелерович, Мокиенко 1997]. Разработанная авторами методика выявления трансформационного потенциала основных структурно-семантических типов ФЕ была с успехом применена и к такому сложному материалу, как поэтический текст [Мелерович 2016], что позволило показать удивительно сложные, прихотливые переплетения языковых единиц, порой почти нематериальных, растворенных в авторском тексте.

Процессы обновления, «переименования» устойчивых единиц настолько укоренились в современной культуре и жизни, что масштаб этого явления уже перестал удивлять: «перевертыши», макаронизмы и прочие оригинальные варианты привычного, бывшие когда-то достоянием лишь юмористических разделов типа «Клуба 12 стульев» в «Литературной газете», встречаются повсюду. Они оправданы тем, что заставляют взглянуть иными глазами на примелькавшееся, вскрывают внутреннюю форму оборотов, а кроме того, использование штампа, расхожей цитаты может восприниматься и как примета стереотипизации мышления, а сам прием цитации — пусть и яркого, образного выражения — как некая «доза банальности» [Григорьева 2001: 10]. Поиск нового закономерен и неизбежен.

С другой стороны, критическое или ироническое, доходящее порой до абсурда изменение традиционного, и в первую очередь ревизия «навязшей в зубах» (возможно, малознакомой, непонятной) пословичной мудрости, — с целью выявления зерна осовремененного смысла — становится чертой особого концептуального мышления. Не случайно О. А. Хопияйнен и Н. В. Филимонова трактуют деформации пословиц как реализацию когнитивного принципа вариативной трактовки действительности [Хопияйнен, Филимонова 2018]. Так, появились *неопословицы* — новый жанр, популярный в молодежной среде, — или антипословицы⁵. Эти окказиональные паремии (ОП) хотя и свидетельствуют о популярности традиционной паремии, рассматриваются как нечто особенное [АРН: 5, 12], но если и отличаются от индивидуально-авторских преобразований ПЕ в художественном и газетном тексте, то не в отношении принципов лингвокреативности, а скорее смелостью комбинаций приемов, нестандартностью лингвистических находок, неожиданно-

⁵ Термин использован Е. К. Николаевой в [Николаева 2002] и параллельно введен в лингвистический обиход как *anti-proverb* паремиеологами В. Мидером и А. Литовкиной [Mieder, Litovkina 1999].

стью получаемых смыслов, «беззапретностью», арсеналом вовлекаемых в игру паремий.

В данной статье мы хотим остановиться только на проблеме трансформационного потенциала паремий, активно вовлекаемых в языковую игру и процессы неологизации, и показать, что ответы на задаваемые исследователями вопросы относительно пределов отступления от формы и содержания известных пословиц кроются в первую очередь в понимании сущности *паремиологического пространства*.

Этот термин был предложен в свое время Ю. И. Левиным как обозначение среды существования и взаимоотношений, в которой «формируются и функционируют паремии и которая ими же и создается» [Левин 1984: 110–117], и использован Е. И. Селиверстовой для выявления и демонстрации различных типов составляющих паремиологического пространства — не только целых пословиц, вступающих между собой в различные виды отношений, но также паремийных биномов, смысловых конденсатов (паремийных идей), типичных пословичных структур, тиражируемых в ПЕ способов передачи отдельных сегментов пословичных смыслов и т. д. — и способов их взаимодействия и форм сосуществования [Селиверстова 2017: 6]. В настоящее время идея существования паремиологического пространства поддерживается во многих исследованиях, опирающихся на значительные паремийные массивы одного или нескольких языков и обращенных к проблемам вариантности, логической и семантической структуры ПЕ, явлениям пословичного моделирования, парадигматическим отношениям в пословицах, выявлению ценностно-смысловых составляющих и иных маркированных элементов национального паремиопространства [Ничипорчик 2015; Пи Цзян Кунь 2014; Цао Цзяци 2019; и др.].

Явления деконструкции пословицы, санкционированные законами паремиологического пространства

Одним из «чемпионов» среди паремий по многообразию отступлений от привычной формы и/или семантики является ПЕ *Чем дальше в лес, тем больше дров*. Она, безусловно, встречается и без каких-либо отклонений от привычных формы и содержания — ср.:

*Поскольку Шубкин им нужен был в качестве диссидента, они думали, как бы его на это дело подбить, и придумали. В «Долговской правде» появилась статья «**Чем дальше в лес, тем больше дров**». Там была изложена биография Шубкина, где было отмечено то прямо, то намеками, что он еврей, нарушал советские законы, был осужден за антисоветскую деятельность [Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», № 2, 2000]⁶.*

Однако нередко мы находим ее окказиональные версии. Они встречаются в языке СМИ, например:

*Политика ценообразования в «Вологодской ягоде» следующая: **чем дальше в лес, тем ниже цена**. «Вот вы были сегодня в Чагоде, если уехать в лес еще дальше, то цена*

⁶ Приведенные в качестве иллюстраций контексты (с указанием на источник в квадратных скобках) заимствованы из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru); пример и указание на источник приводятся без изменений.

будет на 5–7 рублей ниже, потому что транспортное плечо увеличивается [Софья Инкижинова. Бизнес на дикоросах // «Эксперт», 2013].

Деньги, выделенные летом учителям, только в 5 регионах из 17 дошли по назначению. <...> После этого зарплата уходит из области в ваш родной город. **Чем дальше в лес, тем медленнее «пробираются» денежки** (Аргументы и факты, 1996. №45. С. 6).⁷

Но если в этих двух примерах наблюдается известная доля буквализации значения ПЕ — речь идет о пространственном удалении от какой-либо точки, вплоть до удаления в расположенные в лесах сёла, по мере которого существенно меняются некоторые условия или обстоятельства, то в следующем примере ‘углубление в лес’ выступает уже исключительно в переносном смысле: ‘по мере удаления от истории исконных греков’ (и приближения к нашему времени):

*В «Письмах из Древней Греции» Генис сообщал, что, мол, память о первоначалах была законной частью повседневного опыта греков. Что же касается народов, пришедших им на смену, то история для них растворяется в мглистом прошлом: **чем дальше в лес, тем меньше мы о ней знаем**. У греков наоборот: самой яркой страницей была первая [Павел Крусанов. Перекуем орала на свистела (2001) // «Нева», 2004].*

Мы находим окказиональные ПЕ с измененной второй частью и в художественном тексте:

*Донской обошел эту похвалу, не подобрав ее. — Могу я знать, кто такие «мы»? Это ваши «Смерш» или что-то другое? — Одного «Смерша» мало тебе? — Я только уточняю. — А стоит ли уточнять? **Чем дальше в лес — дорожка назад труднее**. Легко читаемую угрозу Донской пропустил [Г. Н. Владимов. Генерал и его армия (1994)].*

Весьма многочисленны ОП в специальных подборках оригинальных изречений, образованных на базе привычных народных выражений (*Чем дальше в лес, тем боже мой!* М. Веллер), особенно в сети Интернет, где новые варианты афоризмов предлагаются и сейчас, когда уже, казалось бы, схлынули мода на «раскованные» языковые эксперименты и увлечение трансформациями хрестоматийной мудрости: *Чем дальше в лес, тем третий лишний**; *...тем быстрее домой** (с уточнением ‘от страха’); *...тем больше интерес**; *...тем ну его на хрен**.

Паремиологические трансформы в качестве знакового явления постперестроенной эпохи и особого языкового материала (ср.: *Чем дальше в лес, тем больше гнуса**; *...тем больше извращенцев**; *...тем больше телефон не ловит**) удостоились как внимания исследователей в качестве лингвоэстетического феномена, способа языковой игры [Дамм 2002; Федорова 2007 и др.], «проявления требований нового времени» [Буцько 2009], так и внимания лексикографов. С максимальной полнотой представлены такие ОП (более 2000 единиц) в словаре «Антипословицы русского народа» (далее — АРН) Х. Вальтера и В. М. Мокиенко. Необходимость включения подобных трансформов в словари аргументируется, с одной стороны, несомненной их связью с пословицами-прототипами и, следовательно, важностью трансформации как свидетельства актуальности паремии, принадлежности ее к «доминантам» своего времени. С другой стороны, это демонстрация единиц нового жанра — антипословиц, фиксация важного социокультурного процесса из сферы «смеховой

⁷ Контексты, сопровождаемые ссылкой в круглых скобках, взяты из картотеки автора.

культуры», близкого к пародированию, разрушающего старые и вырабатывающего новые стереотипы.

Однако во всех этих преобразованиях — и здесь нельзя не согласиться с мнением Х. Вальтера и В. М. Мокиенко, — не стоит усматривать только лишь «протест против банального здравого смысла и назидательного тона традиционной народной мудрости» [АРН: 7]. Преобразования, осуществляемые с любой степенью деконструкции устойчивого выражения, допустимы (а их эффект действенен) лишь потому, что они укладываются в рамки паремиологического пространства, в котором ориентируются говорящие.

Итак, что же именно в трансформированной пословице сигнализирует о ее паремийности?

1. Амплитуда отклонения от общеизвестной ПЕ *Чем дальше в лес, тем больше дров* в лексико-грамматическом и семантическом отношении колеблется от выражения к выражению, однако практически все ее трансформы сохраняют **синтаксическую структуру** двухчастной единицы с союзом *чем... тем*: *Чем дальше в лес, тем себе дороже*; *Чем дальше в лес, тем третий лишний* и др.

Универсальность этой модели проявилась и в образовании иных окказиональных пословиц, не имеющих определенной «стартовой площадки», но вполне санкционированных за счет логико-грамматической структуры, передающей отношения «взаимообусловленности роста или снижения степени качества» [Крючков 1960: 193]: *Чем ближе к телу, тем толще карма* (Л. Гурский. Спасти президента); *Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона*; *Чем выше интеллект, тем ниже поцелуй*; *Чем меньше нас, тем больше нам* [Кузьмич 2000: 228].

2. В русском языке блок паремий со смысловой обусловленностью частей и **обязательной парой компонентов** в форме сравнительной степени, создающих логико-семантическую основу выражения [Тарланов 1999: 271], весьма значителен. При этом отношения реализуются как при участии парного союза (*Чем старше, тем правее*; *Чем больше гвоздей, тем крепче*; *Чем ближе беда, тем больше ума* [Аникин 1988: 326]⁸), так и в бессоюзной версии: *Дальше в спор — больше слов*; *Дальше от кузницы — меньше копоты*; *Меньше знаешь — крепче спишь*; *Меньше пить — дольше жить*; *Больше пота — меньше крови*; *Дальше положишь — ближе возьмешь* [Аникин 1988: 73, 177], *Чаще счет — крепче (дольше, доле, лучше) дружба* [БСРП: 894] и др. Ср. также ироническую ОП *Чем дальше тебя посылают, тем больше тебе доверяют!** и предельно краткое выражение *Дальше — больше*, вторая часть которого указывает на что-то **более** — в сравнении с предшествующим — ужасном, трудном, захватывающем, бездарном, обнадеживающем и т. д., наступающем по мере развития событий. Это двухэлементное выражение является своего рода обобщающим звеном в цепи близких по структуре паремий, **логико-смысловым конденсатом**. Ср.: *Чем дальше в лес, тем меньше свидетелей*; *...злее дятлы*; *...меньше водки* и др. [АРН: 242]. Особенно удивительно выражение с окказиональным элементом *...тем харя кришной* — из Харе Кришна, но с сохранением формы компаратива.

В ОП *Чем дальше в лес, тем своя рубаха ближе к телу* именно форма сравнительной степени *дальше* в первой части ПЕ притягивает к себе «половинку» *ближе*,

⁸ В пословицах такого типа используются и иные средства оформления — союзы *что ни — то, что — то*, менее, однако, характерные для русских паремий.

а затем и всю самодостаточную и весьма активную паремию *Своя рубаха ближе к телу*, реализуя еще один важный паремийный принцип — наличие в пословицах **антонимических оппозиций** компонентов (*дальше — ближе*) как основы ПЕ. На контраст — один из ярких маркеров ПЕ — указывают, в частности, Е. Е. Иванов, отмечая, что значение многих ПЕ образуется за счет обобщения «сем противоположности» соответствующих слов, состоящих в отношениях антонимии [Иванов 2001: 57], и Т. Г. Бочина, подчеркивающая универсальность контраста как поэтического принципа пословичного жанра и типичного стилистического приема [Бочина 2002: 182; Морозова 1972] и др.

Полученное в результате контаминации выражение между тем не нарушает семантической внятности ОП, поскольку значение узуальной ПЕ, допускающее некоторую семантическую автономность ее частей⁹, является в высшей степени обобщенным: «Чем *дальше* развиваются события, тем *больше* (выделено нами. — Е. С.) возникает трудностей, неожиданностей, осложнений, из которых нелегко найти выход» [Жуков 2000: 351]. Неконкретизированные события могут быть практически любыми, по сему и изменения, происходящие по мере их развития, могут варьироваться — тем самым расширяется круг возможных ситуаций, характеризующихся с помощью данной ПЕ. Отметим, что на компонент *дальше* в семантике целого приходится не столько пространственное, сколько усилительное значение.

3. За счет приема контаминации с ФЕ или ПЕ обновляется вторая часть узуальной пословицы и в других случаях: *Чем дальше в лес, тем третий лишний; ... тем больше дело мастера боится; ... тем сытый конному не пеший* [АРН: 242]. Такие ОП также вынуждают к поиску определенных смыслов «аномальных» построений, и эти смыслы непременно обнаруживаются — к его поиску говорящих подталкивает признание за элементами этого текста статуса **единиц паремиологического пространства**: это могут быть, соответственно, 1) ситуация нежелательности присутствия других при стремлении двоих уединиться; 2) ситуация все лучшего понимания (выполнения) дела, в которое исполнитель погружается; 3) ситуация предпочтительности защиты личных интересов и пренебрежения интересами других. Занимателен вариант скрещивания ПЕ с фразеологической характеристикой «новых русских», предложенный нам во время опроса студентов: *Чем дальше в лес, тем пальцы веером*. В нем сохранился каркас **паремийной конструкции** — принцип семантического соотнесения частей *по мере... и все больше...*

4. Примечательна языковая судьба ОП *Чем дальше в лес, тем толще партизаны*, содержащей паремийный бином, — **устойчивую пару** компаративных форм *дальше — толще* и ассоциативную связь *лес — партизаны*, которая как будто поддерживает внутреннюю форму обновленной паремии. Однако интересно, что компонент *толще* отнюдь не связан с характеристикой комплекции (степени упитанности): об этом говорит и наличие укороченной версии *Чем дальше в лес, тем толще*, не нуждающейся в уточнении носителя признака (вспомним *Дальше — больше*), и варианты ОП с иным вторым компаративом — *... тем гуще/злее партизаны* [АРН: 242]. Да и о партизанах ли речь?

⁹ Семантическую членимость фразеологизмов и пословиц отдельных разрядов, их относительную формально-семантическую автономность признают многие исследователи; см., напр.: [Добровольский 1990: 62–65; Жуков 1986: 169–172; Мелерович 1979: 38–52; и др.].

В современном дискурсе мы наблюдаем сохранение ОП как целого, вторая часть которого продолжает активно варьироваться, обеспечивая почти готовыми клишированными формами разнообразные тематические сферы. При этом указание на увеличение количества чего-либо, констатация усиления некоего признака явления распространяется уже не только на отрицательные феномены — **«Чем дальше в лес, тем более грамотеев»** (название подборки текстов с немислимыми орфографическими ошибками)¹⁰:

Чем дальше в лес, тем толще экстремисты

В Госдуму внесен законопроект, предлагающий изменения в статью 282 «Возбуждение ненависти либо вражды...» УК РФ

Помните, 8 июня была «Прямая линия» с Путиным? <...> Так вот, теперь президент подписал перечень поручений по итогам той «Прямой линии», и одно из них предлагает Общероссийскому народному фронту совместно с Генпрокуратурой «провести анализ использования в правоприменительной практике» понятий «экстремистское сообщество» и «преступление экстремистской направленности»¹¹, —

но и на положительные: **«Чем дальше в лес, тем больше хорроров»** (о новых фильмах, снятых в этом киножанре)¹².

Происходящее распределение составляющих семантики ОП может быть объяснено с применением «устройства фигурального декодирования» ПЕ [Черкасский 1984: 50]; ср. соответствие формальных элементов ОП семантическим квантам: *Чем дальше* = ‘по мере’, *в лес* = ‘углубления, погружения, развития’, *тем больше (толще, злее...)* = ‘(много) возникает/ появляется’, *партизаны (экстремисты/ошибки/грамотеи/науки; телефонов)* = ‘номинаруемые явления/констатируемые факты (преимущественно негативные)’.

Как мы видим, наблюдается ослабление семантики ‘по мере удаления, углубления и т.д.’, реализуемой первой частью паремии, она становится скорее орнаментально-эстетической, поддерживающей форму целого, а содержание, прагматически оправдывающее использование ОП, проступает из второго, денотативно релевантного ее фрагмента — «тем...» со значением ‘становится много/больше чего-либо’.

По сути, выражение становится констатацией все большего ухудшения (усугубления, обострения и проч.) состояния дел в рамках любой обозначенной ранее тенденции и именно в этом значении утверждается, постепенно утрачивая, таким образом, флёр антипословичности. А фрагмент ОП **«тем толще партизаны»** становится в **паремиологическом пространстве устойчивой самостоятельной единицей** констатирующего характера со значением ‘много’ или ‘больше’. Ср.: **«Партизаны все толще»** — заголовок текста, который готовит читателей к восприятию шокирующей или ошеломляющей информации¹³; **«...тем толще партизаны»** — заголовок в блоге, позволяющий автору высказать свое недовольство

¹⁰ <https://zabavatur.ru/interesnoe/chem-dalshe-v-les-tem-bolshe-gramoteev> (дата обращения: 31.03.2020).

¹¹ <https://p-v-ros.ru/news/article/chem-dalshe-v-les-tem-tolsche-ekstremisty-17037> (дата обращения: 31.03.2020).

¹² <https://dtf.ru/read/9795-chem-dalshe-v-les-tem-bolshe-horrorov> (дата обращения: 31.03.2020).

¹³ <https://www.pravda.com.ua/news/2020/01/14/7237354/> (дата обращения: 31.03.2020).

цитируемым им объявлением «о кастинге на военно-исторический фильм Алексея Германа — мл. “Воздух”»¹⁴.

Тем толще «партизаны»: Для чего Путин призывает запасников

«Призывать в 2018 году граждан Российской Федерации, пребывающих в запасе, для прохождения военных сборов сроком до двух месяцев в Вооруженных силах России, в органах государственной охраны и органах Федеральной службы безопасности», — записано в указе президента России¹⁵.

Высказанное в 2005 г. В. Дубичинским допущение, что «сегодняшняя иронизация над хрестоматийной мудростью выглядит “неправильностью”, но завтра, может быть, она станет традиционностью приходящего времени» [Дубичинский 2005: 633] оказалось верным в отношении ОП о лесе и партизанах.

5. «Затрудненность прохождения пути по мере углубления в лес» — а такая экстралингвистическая ситуация весьма реальна — может удостоиться эмотивной оценки, что и проявилось в создании ОП с экспрессивным продолжением *тем боже мой!* и вербально раскрепощенным *тем ну его на фиг/на хрен/на х..!* [АРН: 242]. Налицо подмена во второй части ОП указания на усиливающиеся, накапливающиеся осложнения, проблемы (*больше дров*) эмоциональной реакцией, вполне уместной в устах коммуникантов в подобных ситуациях; она может восприниматься и как форма отказа от продолжения неких действий в выбранном направлении. Присоединенные к основной части выражения с помощью нетипичной скрепы, эти междометные ФЕ, способные выражать смежные и даже амбивалентных эмоции [Эмирова 1988: 39] — досаду, раздражение, возмущение (а *Боже мой* — даже радость и удивление), выполняют функцию интенсификатора, **сохраняющего** и утяжеляющего преимущественно негативную **семантику второй части** (в сущности, любого потенциального признака или качества), присущую **исходной ПЕ**.

Модель представляется достаточно продуктивной и отвечающей духу времени, поэтому не замедлили появиться и аналогичные по семантике и прагматическому эффекту окказиональные версии ПЕ ...*тем вот те на!** ...*тем тьфу ты черт!** — эти два варианта особенно удачны, поскольку в них соблюдено ритмическое единообразие частей исходной ПЕ (ср. потенциальное ...*тем вот так клюква!*).

Близким к приведенным эмоционально окрашенным версиям ОП можно считать и такой иронический вариант, где эмоция не выражена, но названо эмоциональное состояние как следствие происходящего:

*Сегодня хорошие новости — это отсутствие новостей. Потому что чем дальше в лес... тем веселее. Руководство клуба заявляет, что «Арсенал» готов выехать на переговоры, но это чистой воды инсинуация, цирк!*¹⁶.

6. Наиболее ярко языковая игра проявляется в таких ОП, как *Чем дальше влез, тем труднее слазить; Чем дальше влез, тем ближе вылез* [АРН: 243], основанных на использовании омофонов (в лес — влез), что в целом нетипично даже для антиполюсов и создает особый комический эффект. Но если в первой происходит отсро-

¹⁴ <https://yablor.ru/blogs/tem-tolsche-partizani/6552953> (дата обращения: 31.03.2020).

¹⁵ «Царьград ТВ». tsargrad.tv (дата обращения: 31.03.2020).

¹⁶ *Никита Лисовой*. На сборе Аршавин тренируется для себя, а не для клуба! // Комсомольская правда. 2009. 21 янв.

ченное понимание смысла — с задержкой на переход от привычного к неожиданному, то во второй ОП неординарная концовка создает некоторое семантическое «наваждение» за счет двойственности компонента *вылез*, воспринимаемого и как окказиональное существительное (ср. *лаз*), и как глагол, антонимичный прозвучавшему *влез*. Таким образом, и здесь присутствует важная черта — использование антонимической пары компонентов, хотя это не сразу становится очевидным для слушающего. Такие приемы вовлечения компонентов устойчивых выражений в языковую игру, состоящую в столкновении слов и смыслов, когда разные значения слова или разные слова путаются, «налезают» друг на друга, порождая двусмысленности и каламбуры, являются самостоятельным средством в достижении комического эффекта [Маслова 1997: 108].

Заключение

Обобщая полученные результаты, отметим следующее.

1. Игровой этап в жизни пословиц вполне закономерен: автоматизация употребления языковых единиц и лингвокреативность — два связанных противоположных процесса. Актуальное на момент возникновения паремии содержание (хотя многие пословичные идеи признаются верными и сейчас) рано или поздно требует обновления формы. Тем не менее высокая степень вовлеченности в языковую игру отличает лишь паремии определенных структурно-семантических моделей.

2. Процессы паремиообразования, расширившие сферу своего проявления, свидетельствуют о единстве законов трансформации и моделирования ПЕ как для новых ОП, так и для паремий, давно получивших статус узуальных. Осознанное искажение существующих ПЕ лишь подтверждает то, что уловлено ранее мастерами слова и получило отражение в словарях речевых преобразований фразеологизмов и пословиц.

3. Преобразование и деконструкция ПЕ есть особый вид языковой игры по оси «привычное — новое», часто создающей эффект обманутого ожидания и усиливающей экспрессивно-эстетическое впечатление, производимое оборотом. Разрушения ПЕ не происходит, поскольку исходная единица присутствует в любой из вновь образованных ОП в виде сохраненной логической и синтаксической структуры и семантического шлейфа всей единицы — даже при формальном сохранении лишь ее части.

4. Независимость неопословиц от контекста расширяет перспективы лингвокреативности и активизирует приемы языковой игры — игры ради игры. Однако чеканная пословичная форма, с особой значимостью каждого элемента вплоть до части союза, и в ином вербальном обличье легко узнаваема и заставляет искать смысл там, где его, как черной кошки в темной комнате, возможно, и не предполагалось. Поэтому отдельные неопословицы, не завися от контекста, но утрачивая со временем прелесть новизны, становятся привычными выражениями и обретают достаточно типичные контексты использования.

5. Пословица как жанр, вероятно, бессмертна, поскольку игровые выверты, свободные, казалось бы, от лингвистической догмы, используют при создании нового в качестве шаблона как целые ПЕ, так и отдельные элементы и признаки этой и других единиц, с учетом их взаимных отношений, составляющие паремиологиче-

ское пространство русского языка: структурно-семантические модели, синтаксические конструкции с типичными скрепами, устойчивые фрагменты, наделенные собственной семантикой (*чем дальше в лес*), паремийные биномы как основу ПЕ (*дальше — больше*), маркеры единиц паремиологического пространства — антонимию, ритм, рифму, семантическую намагниченность (*лес — дрова; лес — партизаны*), а также целые паремии с иной семантикой и прагматическим назначением.

Словари

- АРН — Вальтер Х., Мокиенко В. М. *Антипословицы русского народа*. 2-е изд., испр. СПб.: Нева, 2005. 576 с.
- БСРП — *Большой словарь русских пословиц*; около 70000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. М.: Олма Медиа Групп, 2010. 1024 с.
- Жуков 2000 — Жуков В. П. *Словарь русских пословиц и поговорок*. 7-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2000. 544 с.
- Кузьмич 2000 — Кузьмич В. *Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии*. М.: Белко, 2000. 288 с.
- Мелерович, Мокиенко 1997 — Мелерович А. М., Мокиенко В. М. *Фразеологизмы в русской речи: Словарь*. М.: Русское слово, 1997. 863 с.

Литература

- Айзенберг 1997 — Айзенберг М. Власть тьмы кавычек. *Знамя*. 1997, 2: 216–220.
- Бацевич 2014 — Бацевич Ф. Идиоматизация в абсурдном художественном тексте: механизмы деформации общенародного языка. В кн.: *Slowo. Text. Czas XII. Frazeologia w idiolektach i systemach języków słowiańskich*. Szczecin — Greifswald, 2014. S. 216–223.
- Бондаренко 2004 — Бондаренко В. Т. *О мобильности и динамизме устойчивых фраз в русской речи*. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 237 с.
- Бочина 2002 — Бочина Т. Г. *Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц*. Казань, 2002. 196 с.
- Бочина, Залялова 2008 — Бочина Т. Г., Залялова Р. Р. *Серьезное в смешном*. Казань: Татарский гос. гуманитарно-пед. ун-т, 2008. 208 с.
- Бутько 2009 — Бутько Ю. В. *Лингвокультурологическая характеристика межтекстовых связей в условиях демократизации языковых процессов: на материале анализа паремий*: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009. 232 с.
- Быков, Купина 2009 — Быков Л. П., Купина Н. А. Языковая игра как средство преобразования идеологических смыслов. В кн.: *Лингвистика креатива*: Коллективная моногр. Отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. С. 269–290.
- Горбань 2012 — Горбань В. В. Лингвокреативность на службе коммуникативной интенции. В кн.: *Лингвистика креатива*: Коллективная моногр. Отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 73–82.
- Григорьева 2001 — Григорьева Т. А. Цитата как вид стереотипа. В сб.: *Материалы XXX межвуз. научно-метод. конф. преподавателей и асп.: Секция фразеологии*. СПб., 2001. Вып. 5 С. 8–11.
- Губайдуллина 2016 — Губайдуллина Н. Ю. Трансформационные процессы в современной фразеологии на материале художественных текстов Александра Попова. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2016, 2: 170–173.
- Дамм 2002 — Дамм Т. И. Комические афоризмы в современной газете. *Русская речь*. 2002, 5: 48–56.
- Добровольский 1990 — Добровольский Д. О. Типология идиом. В кн.: *Фразеология в Машинном фонде русского языка*. М.: Наука, 1990. С. 48–67.
- Дубичинский 2005 — Дубичинский В. Против чего же «антипословицы»? В сб.: *Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко*. М.: Изд-во ЭЛПИС, 2005. С. 629–634.

- Жуков 1986 — Жуков В. П. *Русская фразеология*: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.
- Жукова 2010 — Жукова М. Е. Фразеология в объективе кризиса (на материале газетной периодики). В сб.: *Славянская фразеология и паремнология в XXI веке. Сб. науч. ст.* Под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко. Минск: Змицер Колас, 2010. С. 157–161.
- Залесова 2007 — Залесова О. В. Языковая игра на фразеологическом уровне как отражение языковой личности автора. В кн.: *Slavenska frazeologija i pragmatika*. Zagreb: Knjižna, 2007. S. 321–325.
- Иванов 2001 — Иванов Е. Е. Предисловие. В кн.: *Языковая природа афоризма. Очерки и извлечения*. Сост., общ. ред., вступ. ст. Е. Е. Иванова. Могилев: Могилев. гос. ун-т, 2001. С. 7–11.
- Кваша 2001 — Кваша Н. Актуализация ФЕ последнего десятилетия (по страницам Нижегородской правды»). В сб.: *Nowa frazeologia w nowej Europie: Tezy refer. międzynarodinar. konf. Szczecin — Greifswald*, 2001. S. 78–80.
- Костомаров, Бурвикова 2001 — Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. *Старые мехи и молодое вино*. СПб.: Златоуст, 2001. 71 с.
- Крючков 1960 — Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. К вопросу о типологии сложноподчиненных предложений. В сб.: *Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина*. 1960, 10: 392–412.
- Левин 1984 — Левин Ю. И. Провербильное пространство. В сб.: *Паремнологические исследования: Сб. статей*. Сост. и ред. Г. Л. Пермяков. М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1984. С. 109–126.
- Маслова 1997 — Маслова В. А. *Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста*. Минск: Вышэйшая школа, 1997. 156 с.
- Мелерович 1979 — Мелерович А. М. *Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка*: учеб. пособие по спецкурсу. Ярославль, 1979. 79 с.
- Мелерович 2016 — Мелерович А. М., Мокиенко В. М., Якимов А. Е. *Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употребления фразеологизмов в русской поэзии*. Науч. ред. В. М. Мокиенко. Кострома: КГУ, 2016. 628 с.
- Мелерович, Мокиенко 2008 — Мелерович А. М., Мокиенко В. М. *Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка*. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2008. 484 с.
- Морозова 1972 — Морозова Л. А. Художественные формы пословиц. В сб.: *Вопросы жанров русского фольклора: Сб. ст.* М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 3–17.
- Никитина 2001 — Никитина Т. Г. Социокультурный фон русской фразеологической неологии (90-е гг.). В сб.: *Nowa frazeologia w nowej Europie: Tezy refer. międzynarodinar. konf. Szczecin — Greifswald*, 2001. S. 129–131.
- Николаева 1996 — Николаева Е. К. Фразеологический подвох газетного заголовка. *Russistik*. 1996, 1–2 (15–16). S. 97–101.
- Николаева 2002 — Николаева Е. К. Трансформированные пословицы как элемент современной смеховой культуры. В сб.: *Słowo. Tekst. Czas — VI. Nowa frazeologia w nowej Europie*. Szczecin; Greifswald, 2002. S. 158–164.
- Николаева 2005 — Николаева Е. К. Фразеология рекламы. В кн.: *Frazeologické štúdie. IV*. Bratislava, 2005. S. 258–263.
- Ничипорчик 2015 — Ничипорчик Е. В. *Отражение ценностных ориентаций в паремиях*. Гомель: Гомель. гос. ун-т, 2015. 358 с.
- Пи Цзянкунь 2014 — Пи Цзянкунь. *Оппозиция правда — ложь в паремнологическом пространстве русского языка (лингвокультурологический аспект)*: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 171 с.
- Проблемы 1995 — *Проблемы фразеологической семантики*. Под ред. Г. А. Лилич. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 172 с.
- Селиверстова 2017 — Селиверстова Е. И. *Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость*. Науч. ред. В. М. Мокиенко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2017. 296 с.
- Соколова 1989 — Соколова Н. В. *Фразеологические единицы в произведениях Ю. В. Бондарева (состав и функции)*: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 16 с.
- Тарланов 1999 — Тарланов З. К. *Русские пословицы: синтаксис и поэтика*. Петрозаводск, 1999. 448 с.

- Третьякова 2011 — Третьякова И.Ю. *Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты)*: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ярославль, 2011. 50 с.
- Федорова 2007 — Федорова Н.Н. *Современные трансформации русских пословиц*: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2007. 234 с.
- Харченко 2012 — Харченко В.А. Креатив разговорного дискурса. В кн.: *Лингвистика креатива*: коллективная моногр. Отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 147–164.
- Хопияйнен, Филимонова 2018 — Хопияйнен О.А., Филимонова Н.В. Деформационные стратегии в образовании антипословиц русского, английского и немецкого языков. *Язык и культура*. 2018, 42: 258–272.
- Цао Цзяци 2019 — Цао Цзяци. Блоха в паремиологическом пространстве русского языка (на фоне китайского языка). *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2019, 2: 199–205.
- Черкасский 1978 — Черкасский М.А. Опыт построения функциональной модели. В кн.: *Паремиологический сборник: Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст)*. М.: Наука, 1978. С. 35–52.
- Шинделаржова 2010 — Шинделаржова Я. Моделируемость в славянской фразеологии. В кн.: *Славянская фразеология и паремиология в XXI веке. Сборник научных статей*. Под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. Минск: Змицер Колас, 2010. С. 26–32.
- Эмирова 1988 — Эмирова А.М. *Русская фразеология в коммуникативном аспекте*. Ташкент, 1988. 90 с.
- Mieder, Litovkina 1999 — Mieder W., Litovkina A. *Twisted wisdom: Modern anti-proverbs*. Burlington, 1999. 254 с.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2020 г.

Статья рекомендована в печать 8 июня 2020 г.

Elena I. Seliverstova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
e.seliverstova@spbu.ru, selena754@inbox.ru

The phenomenon of deformation of proverbs through the prism of the paremiological space's laws

For citation: Seliverstova E.I. The phenomenon of deformation of proverbs through the prism of the paremiological space's laws. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (3): 457–473. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.307> (In Russian)

A study of the methods of speech transformation for common language units shows that any language creativity, even the most inventive and unusual, relies in its methods on the cumulative experience available in the arsenal of native speakers. The paremiological space of the language, which is a set of all proverbial units that reveal the most diverse types of relationships among themselves, also includes a number of units of other levels — typical syntactic and logical structures, stable binomials that serve as the basis of proverbs, proverbial fragments with semantics assigned to them, and generalized ideas implemented by several units of the language of different lexical content and grammatical model. The language game, which embraced the sphere of paremias in the post-Soviet era of “carnivalizing” the language, manifested itself in the formation of new units according to existing models (*Luchshe dlinaia zhivaja ochered', chem korotkaia avtomatnaia*), in contaminations (*Baba s vozu — volki syty*), in the replication of countless versions of occasional endings for ordinary paremias (*Ne pliuu v kolodets — prigoditsia pliuut'*; ... *vylezet — ne prokormish'*), semantic deciphers (*Deti tsveti zhizni, no ne nado davat' im raspuskat'sia*), etc. The focus of article is the sphere of language transformations of an expression with structure that allows for varied deviations from the usual form, for example the paremia *Chem dal'she v les, tem bol'she drov* according to the dic-

tionary “Anti-proverbs of the Russian people” (2005) and Internet materials. Examples of the intentional deconstruction of habitual proverbs show that destruction does not occur, since the proverbial form and logical-syntactic model of a common proverb appears in new units and even part of the neologism continues to be the bearer of its meaning, enriched with occasional semantic additions.

Keywords: language game, proverb, elements of the paremiological space, transformation, method.

References

- Айзенберг 1997 — Aizenberg M. Power of darkness of the quotes. *Znamia*. 1997, 2: 216–220. (In Russian)
- Бацевич 2014 — Batsevich F. Idiomaticization in an absurd literary text: mechanisms of deformation of a nation-wide language. In.: *Słowo. Text. Czas XII. Frazeologia w idiolektach i systemach języków słowiańskich*. Szczecin — Greifswald, 2014. P.216–223. (In Russian)
- Бондаренко 2004 — Bondarenko V. T. *On mobility and dynamism of phraseologisms in Russian speech*. Kazan: Kazan University Press, 2004. 237 p. (In Russian)
- Бочина 2002 — Bochina T. G. *Stylistics of contrast: Essays on the language of Russian proverbs*. Kazan: Kazan University Press, 2002. 196 p. (In Russian)
- Бочина, Залялова 2008 — Bochina T. G., Zaliolova R. R. *Serious in a funny way*. Kazan: Tatarskij gos. gumanitarno-ped. un-t Press, 2008. 208 c. (In Russian)
- Буцько 2009 — Buťko Iu. V. *Linguoculturological characteristic of intertextual relations in the context of the democratization of language processes: on the basis of the analysis of proverbs*: dis. ... kand. filol. nauk. Yaroslavl, 2009. 232 p. (In Russian)
- Быков, Купина 2009 — Bykov L. P., Kupina N. A. Language game as a means of transforming ideological meanings. In.: *Lingvistika kreativa: Kollektivnaia monogr.* T. A. Gridina (ed.). Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t Publ., 2009. P.269–290. (In Russian)
- Горбань 2012 — Gorban' V. V. Linguistic creativity in the service of communicative intention. In.: *Lingvistika kreativa: Kollektivnaia monogr.* Ed. by T. A. Gridina. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t Publ., 2012. P.73–82. (In Russian)
- Григорьева 2001 — Grigor'eva T. A. Quote as a kind of stereotype. In.: *Materialy XXX mezhdvuz. nauchno-metod. konf. prepodavatelei i asp.*: Sektsiia frazeologii. St Petersburg, 2001. Issue 5. P.8–11. (In Russian)
- Губайдуллина 2016 — Gubaidullina N. Iu. Transformational processes in modern phraseology based on the material of literary texts by Alexander Popov. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2016, 2: 170–173. (In Russian)
- Дамм 2002 — Damm T. I. Comic aphorisms in the modern newspaper. *Russkaia rech'*. 2002, 5: 48–56. (In Russian)
- Добровольский 1990 — Dobrovol'skii D. O. Typology of idioms. In.: *Frazeografiia v Mashinnom fonde russkogo iazyka*. Moscow: Nauka Publ., 1990. P.48–67. (In Russian)
- Дубичинский 2005 — Dubichinskii V. Against what are “anti-proverbs”? In.: *Grani slova: Sbornik nauchnykh statei k 65-letiiu prof. V. M. Mokienco*. Moscow: Izd-vo ELPIS Publ., 2005. P.629–634. (In Russian)
- Жуков 1986 — Zhukov V. P. *Russian phraseology: Textbook. Manual for philol. specialist. universities*. Moscow: Vysshhaia shkola Publ., 1986. 310 p. (In Russian)
- Жукова 2010 — Zhukova M. E. Phraseology in the lens of the crisis (based on newspaper periodicals). In.: *Slavianskaia frazeologija i paremiologija v XXI veke*. Sb. nauch. st. E. E. Ivanova, V. M. Mokienco (eds). Minsk: Zmitser Kolas Publ., 2010. P.157–161. (In Russian)
- Залесова 2007 — Zalesova O. V. Language game at the phraseological level as a reflection of the author's linguistic personality. In.: *Slavenska frazeologija i pragmatika*. Zagreb: Knjigra, 2007. P.321–325. (In Russian)
- Иванов 2001 — Ivanov E. E. Foreword. In.: *Iazykovaia priroda aforizma. Oчерki i izvlecheniia*. E. E. Ivanov (comp., ed). Mogilev: Mogilev. gos. un-t Publ., 2001. P.7–11. (In Russian)
- Кваша 2001 — Kvasha N. Actualization of phraseological units of the last decade (on the pages of the “Nizhny Novgorod truth”). In.: *Nowa frazeologia w nowej Europie: Tezy refer. międzynar. konf.* Szczecin — Greifswald, 2001. P.78–80. (In Russian)

- Костомаров, Бурвикова 2001 — Kostomarov V.G., Burvikova N.D. *Old bellows and new wine*. St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2001. 71 p. (In Russian)
- Крючков 1960 — Kriuchkov S.E., Maksimov L.Iu. On the typology of complex sentences. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V.I. Lenina*. 1960, 10: 392–412. (In Russian)
- Левин 1984 — Levin Iu.I. Proverbial space. In.: *Paremiologicheskie issledovaniia: Sb. statei*. Sost. i red. G.L. Permiakov. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury Publ., 1984. P.109–126. (In Russian)
- Маслова 1997 — Maslova V.A. *Linguistic analysis of the expressiveness of a literary text*. Minsk: Vysheishaia shkola Publ., 1997. 156 p. (In Russian)
- Мелерович 1979 — Melerovich A.M. *The problem of semantic analysis of phraseological units of the modern Russian language: Educational book on a special course*. Yaroslavl: Yarosl. gos. ped. in-t, 1979. 79 p. (In Russian)
- Мелерович 2016 — Melerovich A.M., Mokienko V.M., Yakimov A.Ye. *Phraseological units in Russian poetry in XIX–XXI c. A dictionary: an experience of the lexicographic systematization or the phraseological units's usage in Russian poetry*. V.M. Mokienko (ed.). Kostroma: Kostromskoi gos. un-t Publ., 2016. 628 p. (In Russian)
- Мелерович, Мокиенко 2008 — Melerovich A.M., Mokienko V.M. *The semantic structure of phraseological units of the modern Russian language*. Kostroma: Kostromskoj gos. un-t Publ., 2008. 484 p. (In Russian)
- Морозова 1972 — Morozova L.A. Artistic forms of proverbs. In.: *Voprosy zhanrov russkogo fol'klora*: Sb. st. Moscow: MGU Publ., 1972. P.3–17. (In Russian)
- Никитина 2001 — Nikitina T.G. Sociocultural background of Russian phraseological neologics (90s). In.: *Nowa frazeologia w nowej Europie: Tezy refer. międzinar. konf. Szczecin — Greifswald*, 2001. P.129–131. (In Russian)
- Николаева 1996 — Nikolaeva E.K. Phraseological catch of a newspaper headline. *Russistik*. 1996, 1–2 (15–16). P.97–101. (In Russian)
- Николаева 2002 — Nikolaeva E.K. Transformed proverbs as an element of modern laughter culture. In.: *Słowo. Tekst. Czas — VI. Nowa frazeologia w nowej Europie*. Szczecin; Greifswald, 2002. P.158–164. (In Russian)
- Николаева 2005 — Nikolaeva E.K. Phraseology of advertising. In.: *Frazeologické štúdie. IV*. Bratislava, 2005. P.258–263. (In Russian)
- Ничипорчик 2015 — Nichiporchik E.V. *Reflection of value orientations in paremias*. Gomel: Gomel' gos. un-t Publ., 2015. 358 p. (In Russian)
- Пи Цзянкунь 2014 — Pi Ts'ziankun'. *The opposition true — a lie in the paremiological space of the Russian language (linguocultural aspect)*: dis. ... kand. filol. nauk. St. Petersburg, 2014. 171 p. (In Russian)
- Проблемы 1995 — *Problems of phraseological semantics*. G.A. Lilich (ed.). St Petersburg: St. Petersburg University Press, 1996. 172 p. (In Russian)
- Селиверстова 2017 — Seliverstova E.I. *The space of the Russian proverb: constancy and variability*. V.M. Mokienko (ed.). 2nd ed., rev. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2017. 296 p. (In Russian)
- Соколова 1989 — Sokolova N.V. *Phraseological units in the works of Yu. V. Bondareva (composition and functions)*: dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, 1989. 16 p. (In Russian)
- Тарланов 1999 — Tarlanov Z.K. *Russian proverbs: syntax and poetics*. Petrozavodsk, 1999. 448 p. (In Russian)
- Третьякова 2011 — Treť'yakova I.Iu. Occasional phraseology (structural-semantic and communicative-pragmatic aspects): avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Yaroslavl, 2011. 50 p. (In Russian)
- Федорова 2007 — Fedorova N.N. *Modern transformations of Russian proverbs*: dis. ... kand. filol. nauk. Pskov, 2007. 234 p. (In Russian)
- Харченко 2012 — Kharchenko V.A. Creative conversational discourse. In.: *Lingvistika kreativa: Kollektivnaia monogr.* T.A. Gridina (ed.). Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t Publ., 2012. P.147–164. (In Russian)
- Хопияйнен, Филимонова 2018 — Khopiyanen O.A., Filimonova N.V. Deformation strategies in the education of the anti-words of the Russian, English and German languages. *Iazyk i kul'tura*. 2018, 42: 258–272. (In Russian)

- Цао Цзяци 2019 — Tsao Tszziatsi. Flea in the paremiological space of the Russian language (against the background of the Chinese language). *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2019, 2: 199–205. (In Russian)
- Черкасский 1978 — Cherkasskii M. A. The experience of building a functional model. In: *Paremiologicheskii sbornik: Poslovitsa. Zagadka (Struktura, smysl, tekst)*. Moscow: Nauka Publ., 1978. P. 35–52. (In Russian)
- Шинделаржова 2010 — Shindelarzhova Ia. Modeling in Slavic phraseology. In.: *Slavianskaia frazeologija i paremiologija v XXI veke. Sbornik nauchnykh statei*. E. E. Ivanova, V. M. Mokienko (eds). Minsk: Zmitser Kolas Publ., 2010. P. 26–32. (In Russian)
- Эмирова 1988 — Emirova A. M. *Russian phraseology in the communicative aspect*. Tashkent, 1988. 90 p. (In Russian)
- Mieder, Litovkina 1999 — Mieder W., Litovkina A. *Twisted wisdom: Modern anti-proverbs*. Burlington, 1999. 254 p.

Received: April 2, 2020

Accepted: June 8, 2020